УДК 316.34:37(470)
DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-134-147

О конфессиональном и социальном составе обучающихся училищ и гимназий Ростова-на-Дону в начале XX в.

Евгений В. Шандулин
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия, shandulin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается конфессиональный и социальный состав училищ и гимназий в г. Ростов-на-Дону в начале XX в. в условиях начала мировой войны. Оценивается динамика изменений состава учеников, религиозных групп, социальных категорий населения на основе статистической информации на примере двух учебных заведений. Сделаны выводы о степени отражения общих процессов социальной динамики в обществе на Юге России в военные годы. Выделены регионы миграции на Юг России из других регионов мира, особенности социального и конфессионального состава Донского края как зоны пограничного и транзитного движения социальных потоков. Проведен статистический подсчет состава контингента обучающихся и проанализированы особенности функционирования образовательной системы и ее влияния на развитие общества в этот период. Уделено внимание тематике представленности казачества, мещанства, дворянства в системе среднего образования. Сделан вывод об особенностях отражения в работе образовательных учреждений ограничений для евреев в рамках соблюдения черты еврейской оседлости до 1915 г. Статистически зафиксировано нарушение соблюдения норм квотирования для иудеев в 1915 г.

Ключевые слова: начало XX в., Первая мировая война, средняя школа в российской империи, средние учебные заведения на Дону, образование на Юге России в начале XX в., училище М. Попкова, образование лиц еврейского происхождения

Для цитирования: Шандулин Е.В. О конфессиональном и социальном составе обучающихся училищ и гимназий Ростова-на-Дону в начале XX века // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 134–147. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-134-147

© Шандулин Е.В., 2024

About the confessional and social composition of students of schools and gymnasiums in Rostov-on-Don at the beginning of the 20th century

Evgenii V. Shandulin
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
shandulin@yandex.ru

Abstract. The article considers the confessional and social composition of schools and gymnasiums in Rostov-on-Don at the beginning of the twentieth century in the context of the outbreak of the World War. On the footing of statistical information by, the example of two educational institutions, the article evaluates dynamics of changes in the composition of students, religious groups, and social categories of the population. Conclusions are drawn about the degree of the general processes of social dynamics reflected in society in the South of Russia during the war years. The author highlights the regions of migration to the South of Russia from other regions of the world, the peculiarities of the social and confessional composition of the Don Region as a zone of border and transit movement of social flows. A statistical calculation of the composition of the contingent of students was carried out and the features of the functioning of the educational system and its impact on the development of society during that period were analyzed. Attention is paid to the topic of the representation of the Cossacks, commoners, and nobility in the secondary education system. The conclusion is made about the peculiarities of reflecting in the work of educational institutions the restrictions for Jews within the framework of observance of the Jewish residency line before 1915. Statistically recorded violation of quota norms for Jews in 1915.

Keywords: the beginning of the twentieth century, the First World War, secondary schools in the Russian Empire, secondary educational institutions on the Don, education in the South of Russia at the beginning of the 20th century, M. Popkova, education of persons of Jewish origin

For citation: Shandulin, E.V. (2024), "About the confessional and social composition of students of schools and gymnasiums in Rostov-on-Don at the beginning of the 20th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International Relationships" Series,* no. 1, pp. 134–147, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-134-147

Введение

Вопрос национального и религиозного состава в средних учебных заведениях на рубеже XIX–XX вв. на Дону является достаточно сложным в силу пестрого состава населения региона. В регионе

представлены достаточно широкие группы населения, разнообразные как по религиозному, так и национальному признаку. Ростов-на-Дону в этом отношении не только крупный портовый город Юга России, но и быстрорастущий образовательный центр, в котором в начале XX в. не только росло количество средних учебных заведений, но и начнет работу в 1915 г. переехавший из Варшавы императорский университет[1]. Сложность законодательной базы сословного общества, а также пестрота экономических укладов этого времени наложили свой отпечаток на состав учебных заведений. Образовательные учреждения отражают многие социальные и экономические тенденции общества и является для российского общества «больным вопросом» [Любжин 2018, с. 7].

Тем не менее стоит отметить, что в образовательной среде состав обучающихся в силу целого ряда региональных особенностей представлен не всегда в тех пропорциях, в каких представлен состав населения. Статистический подход применительно к образовательным учреждениям Дона в современной литературе представлен достаточно слабо [Стрельцов 2004, с. 51–56]. В статьях, посвященных развитию образовательной системы на Дону, в этот период публикации носят больше обобщающий или синтетический характер [Воскобойников, Кочетова 2018, с. 67–70]. Между тем стоит отметить, что многие тенденции, заметные в статистическом плане в составе учеников учебных заведений, могут указывать на многие масштабные социальные процессы, анализ которых не всегда находится в фокусе научного внимания [Смирнов 2007, с. 264–270].

Структурные особенности анализа состава учащихся

В качестве основы для статистической выборки состава средних учебных заведений города Ростов-на-Дону были выбрано типовое среднее учебное заведение: реальное училище М.А. Папкова, расположенное в центре города и являвшееся достаточно крупными для своего времени. Училище было подчинено министерству народного просвещения и являлось мужским с семиклассным обучением. Есть отличие от многих казенных учреждений, что училище считалось частным, но в реальности того времени в финансировании использовались как государственные, так и частные

[1] История Ростовского государственного университета (1915–2015) / В.Ю. Апрыщенко, А.И. Нарежный, М.А. Пономарева, М.В. Пятикова, В.П. Трут, Е.В. Шандулин. Ростов-н/Д., 2015.

деньги. Важно, что в архивном фонде по указанному учреждению доступны журналы учета обучающихся училища за более ранний период 1913/14 год обучения, а также более поздний 1916/17 год. С точки зрения исторического анализа такой разброс может показывать некоторую динамику изменений в составе учеников в условиях растущего военного кризиса в стране, а также отражать внутренние процессы.

Источниковой базой для анализа выступили «журналы об успехах и прилежании и поведении учеников», в которых сформирован полный списочный состав учеников училища[2]. Журнал включает в себя список всех учеников по классам, с указанием их имени, религиозного исповедания, социального статуса, иногда места временного проживания, успеваемости в предметах и данными о решении педагогического совета о траектории дальнейшего обучения.

Сам журнал охватывал один учебный год и заполнялся полностью от руки в соответствии с каллиграфическими правилами, так как являлся подотчетным документом. При сравнительном анализе были использованы журналы близкие по времени, с 1913 по 1916 уч. г., выпавшие на непростой период Первой мировой войны. Полнота заполнения журналов не является абсолютной, так как в среднем у 10% списочного состава учеников не указаны данные в отношении вероисповедания. В ряде случаев также в среднем у 10% не указан социальный статус и место проживания. Подобная ситуация прослеживается при низких показателях обучения, пометке «выбыл» из состава учеников, а также в случае указания неполного курса обучения. Также может быть указано место отбытия ученика, если он имел, по всей вероятности, фактический статус переселенца или временно прибывшего. Процент таких записей не был большим, не более 5%, хотя применительно к подготовительным классам или старшим он был несколько выше, чем в остальных, что тем не менее может считаться допустимой погрешностью при статистическом учете.

Стоит отметить, что в 1916 уч. г. в сравнении с более ранними записями количество пропусков в данных по списочному составу учеников несколько возрастает вместе с падением аккуратности заполнения журнала. Также растет количество выбывших с курса обучения без предоставления допуска к итоговым экзаменам. Первый класс попадали дети возрастом 8–9 лет, старшие классы заполняли дети возрастом 15–16 лет. Количество учеников в гимназии и училище по классам можно свести в общую таблицу и построить графическую диаграмму.

[2] ГАРО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–87; Д. 5. Л. 1–65.

Численность учеников									
Учреждение Училище	Подг. класс	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс	5-й класс	6-й класс	7-й класс	Итого
1913/14 уч. г.	69	49	60	53	54	99	47	27	455
1916/17 уч. г.	17	36	27	28	40	41	37	45	275

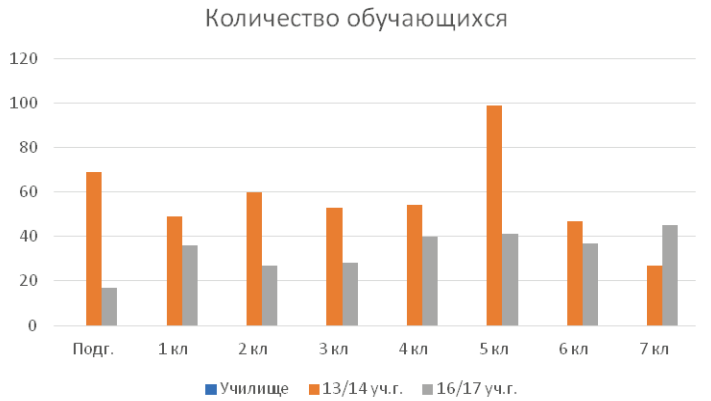

Рис. 1

Общее количество учеников в период перед войной почти в полтора раза превышает количество учеников училища во время войны. Очевидно, что обучение в предвоенный период в дореволюционную эпоху было более востребованным. Отток учеников был связан не только с требованиями военного времени, но и возросшей социальной мобильностью населения, частичным уходом старшеклассников на фронт. При взгляде на диаграмму становится очевидным постепенный спад численности обучающихся к старшим классам в ранний период и относительно ровное их количество в более поздний. Обучение в училище было в этот период связано с планами поступления в университет, и ученики достаточно часто переводились. Некоторый рывок в численности выпускного 7-го класса в училище во время войны обеспечили набранные из других учебных заведений дети.

Стоит обратить внимание на количество классов при обучении. Несмотря на существующее мнение, что подготовительные классы к началу XX в. перестали практиковаться в средней школе, в обоих журналах они были. «Приготовительные» классы выделены в

отдельный раздел журнала и там достаточно большое количество учеников. Подготовительные курсы направлены на подтягивание уровня знаний детей для сдачи вступительных испытаний. Поступление в училище связано с достаточно сложным порогом для поступления, чем и объясняется большая разница между числом учеников подготовительного курса и первого класса в довоенный период. Многие дети после подготовительных курсов в первый класс до войны не попадали, и в графе «заключение педагогической комиссии» может стоять пометка о повторном испытании или оставлении в подготовительном классе. В училище во время войны порог поступления стал более простой, подготовительный класс менее крупный, очевидно, что много учеников попадало в первый класс без предварительной подготовки.

Также стоит отметить некоторую особенность классной структуры, проявляющуюся в том, что в журнале в довоенный период в некоторых старших классах отдельно указаны коммерческие отделения, а в училище во время войны этого сделано не было. В 5-м классе в училище выделено параллельное, фактически коммерческое отделение, численность которого близка основному. Это дает большой скачок численности 5-го класса. В других классах такой особенности нет. Объяснение этому факту, возможно, заключается в том, что 5-й класс был промежуточно выпускным, и часть обучающихся переводилось после домашнего обучения для получения сертификата об образовании, однако за неимением мест или в связи с социальным несоответствием требованиям для поступления за казенный счет они переводились на коммерческое обучение. Этим же фактом, по всей вероятности, объясняется большая разница в численности подготовительных курсов. Также стоит указать, что в марте 1914 г. вышел «одобренный Государственным советом и Государственной Думой Закон о параллельных отделениях при основных классах средних общеобразовательных мужских учебных заведений», в котором разрешалось использовать для открытия одного параллельного отделения в образовательном учреждении государственные средства в ограниченном объеме[3]. Этот закон расширял права учебных заведений в вопросе набора контингента, и реальное училище этим пользовалось в полной мере, привлекая дополнительное финансирование и расширяя число обучающихся. У училища в довоенный период было больше возможностей для такого маневра в силу большей престижности образования в мирное время, даже несмотря на то, что реальное училище М.А. Папкова было относительно молодым, основанным только в начале XX в.

[3] Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15. Л. 100.

Государство достаточно внимательно следило за соблюдением правил поступления в учебные заведения представителей различных конфессий и социальных групп. Статусы поступающих четко фиксировали в специальных журналах и анкетировали на предмет их возможного обучения. Так как Ростов-на-Дону много лет являлся городом, входившим в черту оседлости еврейского населения, в которой по нормативным правилам они получали право проходить обучение в учебных средних заведениях при определенном квотировании от общего числа обучающихся. Несмотря на то, что к началу XX в. Ростов-на-Дону уже был частью Области Войска Донского и формально не входил в черту оседлости, еврейское население осталось и квотирование существовало. Наличие квоты не более 10% было одним из препятствий, которое с началом войны начинает все чаще нарушаться в связи с перемещением большого количества людей через регион. В материалах дел обучающихся сохранилось большое количество прошений об особых условиях временного размещения учеников в городах края в нарушение имеющихся предписаний. Социальная динамика населения хорошо отражается в динамике списков обучающихся.

Стоит отметить, что наличие ограничений, но имевшийся спрос на образование вынуждал евреев пользоваться различными способами обхода процентного квотирования своего представительства в учебном заведении. Система контроля за количеством учеников различных конфессий в учебном заведении базировалась на данных метрических свидетельств, которые составлялись служителями церкви. Именно манипуляции в этом вопросе составляли значительную особенность поликультурного и полиэтнического края, каким являлся Нижний Дон в это время. Так, в циркулярных письмах, рассылаемых от имени Министерства Народного просвещения через Харьковский учебный округ, к которому относился в это время Ростов-на-Дону, содержатся указания на множество нарушений, за которые следовало достаточно жесткое предписание удалять учеников из числа обучающихся без права поступления в любые учебные заведения страны. Так, среди прочих нарушений встречаются и нарушения, связанные с соблюдением квотирования по религиозному признаку. В январе 1914 г. Харьковскому учебному округу, например, было разослано предупреждение о том, что «евреи, предоставившие метрические свидетельства о крещении за подписью пастора Артура Пира и зачисленные в учебные заведения в качестве христиан, немедленно подать прошение об увольнении из их учебных заведений...» и дано пояснение, что «...обратный прием их может состояться лишь после признания правильности их перехода в христианство и исполнения ими всех

прочих установленных для сего требования закона...[4] Этот циркуляр поясняет, что ради получения возможности обучения ученики иудейского вероисповедания фиктивно осуществляли переход в христианство, в данном случае говорится о лютеранской ветви, и продолжали обучение уже в качестве христиан сверх разрешенной нормы. Нарушения подобного рода как прецеденты рассылались министерством во все учебные округа как руководство к действию для борьбы с подобными ситуациями, причем отчисление из учебного заведения в этой ситуации проводилось немедленно, так же как в случае с некоторыми административными и уголовными преступлениями. Данная ситуация подчеркивает серьезность этого вопроса для образовательной системы даже в годы мировой войны, когда в значительной степени строгость многих ограничений снижалась и в стране росло количество нарушений.

Социальные особенности состава учащихся

Если свести данные по училищу по конфессиональному составу в общий табличный формат, то вырисовывается разнообразная картина состава учеников в первые годы мировой войны. На постоянной основе выделяются представители православия, иудаизма, Римско-католической церкви, ислама, армяно-григорианской церкви, старообрядчества, лютеранства. Один раз встречается дворянин «единоверец» в 7-м классе училища, что не стоит считать повторяющейся единицей для внесения в таблицу.

Училище в довоенный период (1913–1914)[5]

	Всего	Правосл.	Иудеи	Римск-кат.	Мус.	Арм-григ.	Старобр.	Лютер.	Нет данных
Подгот.	69	30	26	1	1	2	0	0	19
1-й класс	49	34	7	1	0	2	2	0	2
2-й класс	60	40	8	0	1	5	0	0	6
3-й класс	53	34	6	2	1	1	1	0	5
4-й класс	54	37	3	1	0	3	0	0	7

[4] ГАРО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.

[5] ГАРО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-87.

Окончание табл.

	Всего	Правосл.	Иудеи	Римск-кат.	Мус.	Арм-триг.	Старобр.	Лютер.	Нет данных
5-й класс	99	66	3	1	1	5	2	1	10
6-й класс	47	33	6	0	1	3	1	1	4
7-й класс	27	23	2	0	0	0	1	0	1
Всего	455	297	61	6	5	21	7	2	54

Училище во время войны (1916–1917)[6]

	Всего	Правосл.	Иудеи	Римск-кат.	Мус.	Арм-триг.	Старобр.	Лютер.	Нет данных
Подгот.	17	16	1	0	0	0	0	0	1
1 класс	36	24	10	1	0	1	0	0	2
2 класс	27	21	5	1	1	2	0	0	5
3 класс	28	20	5	1	1	1	0	0	3
4 класс	40	30	6	2	0	2	0	0	0
5 класс	41	26	11	1	0	2	0	0	1
6 класс	37	20	12	1	0	4	0	0	0
7 класс	45	23	10	2	0	4	0	0	6
Всего	263	180	60	10	2	16	0	0	18

В числе обучающихся есть представители разных конфессий, что вполне отражает разнообразный состав населения региона. Выделяется численность армяно-григорианской общины, так как Ростов традиционно отличался высоким процентом армянского населения, активность которого росла как в Ростове, так и в сопредельных поселениях. Показательно указание в документах старообрядцев как самостоятельной этноконфессиональной группы, а православных греческого обряда записывали как «православных» в общем списке только указывая территориальное

[6] Там же. Д. 5. Л. 1–65.

происхождение. Эта позиция вполне отражает общую политику властей, выражающуюся в определенной лояльности по отношению к родственным православным церквям и критику старообрядчества.

В графике довоенного периода заметно большое количество представителей иудаизма в подготовительном классе, однако если вычесть это количество из общего числа, то квота в 10% общего числа от зачисленных в целом соблюдалась. Училище в 1913 г. не нарушало законодательство, и большая часть представителей иудаизма в первый класс не поступала, хотя получала базовые знания для поступления, так как общие оценки при обучении были достаточно высокими. Ученики после подготовительного класса переходили в другие училища, потому что в городе было достаточно много учебных заведений среднего уровня, готовых принимать таких учеников, однако качество подготовительной работы было недостаточным или таких классов не было.

При анализе данных по училищу во время войны бросается в глаза превышение квоты по конфессиональному квотированию для евреев. Общее количество обучающихся в училище в 1916 г. иудеев значительно выше 10% именно за счет старших классов, которые необходимы как ступень для дальнейшего продолжения обучения и поступление в них было возможно даже с домашнего обучения при выдерживании вступительного экзамена. Именно старшие классы дали динамический прирост этой конфессиональной группы. В подготовительном классе училища во время войны, наоборот, евреев практически нет. Видимо планирование образования в военное время не предполагало лишних финансовых трат на образовательные нужды, также очевидно, что учреждение в период войны снижало требования при поступлении. Также стоит отметить, что с началом войны соблюдение многих правил в образовательной системе, как уже указывалось, становилось все менее жестким и училище в старшие классы набрало много коммерческих учеников различных конфессий.

Следующим важным параметром анализа является качественный состав обучающихся. Тенденция, вполне прослеживаемая по журналу успеваемости, свидетельствует о росте успеваемости учеников в старших классах при общем падении их численности. Данная тенденция вполне может быть объяснена ростом мотивации учеников в старших классах. Однако к этому стоит добавить очевидный рост социального статуса обучающихся в старших классах, когда в списках появляются дворянские фамилии, дети почетных граждан города, офицеров, врачей и т. д. В младших классах преобладают мещане, крестьяне и казачество. Эта тен-

денция находит свое объяснение в популярности у состоятельных слоев населения домашнего обучения, после которого ребенок мог поступить в старшие классы училища или гимназии и, сдав экстерном большую часть пройденных предметов, получить документы об образовании.

Ввиду достаточно разнообразного формата записей социального происхождения, сводить данные в общий табличный список достаточно сложно, однако в целом можно на данном этапе отметить рост численности в старших классах представителей социальных групп более высокого статуса, чем в первые годы обучения. Отдельного внимания заслуживает вопрос о представителях римско-католического вероисповедания. Они практически все были из крестьянского сословия, что объясняется не только самим фактом наличия греческой общины в регионе, но и их правом заниматься земледелием.

Стоит отметить, что подавляющее большинство евреев были записаны как мещане. Известно, что по закону владеть землей они не могли, как и занимать многие должности на военной и государственной службе. Однако в училище в 7-м классе есть один ребенок, записанный как сын инженера, что подтверждает тенденцию использования старших классов как ступени для получения образования в университете. Также при анализе данных очевидно, что в училище во время войны, в отличие от более раннего времени, не попадали старообрядцы и протестанты, достаточно мало представителей ислама. Этих конфессиональных групп в 1916 г. в числе учеников практически не осталось. Такая тенденция вполне объяснима выросшей социальной динамикой и переселением людей на новые территории. К тому же в 1914 г. в связи с началом войны была начата политика исключения из числа учеников средних учебных заведений подданных Австрии, Германии, Турции, которые и составляли отличную от православных конфессиональную прослойку.

Отдельно отметим малый процент казачества в образовательных учреждениях города. Ростов-на-Дону стоит на самом краю черты еврейской оседлости. Рядом с ним находятся учреждения в других близких городах, в которых детям евреев учиться было запрещено, например, средние учебные заведения города Новочеркасска, где множество учеников были именно из казаков. Нижний Дон является в образовательном и культурном отношении уникальным местом пограничного сочетания культур и конфессий, и ситуация в соседних городах имела существенные различия, диктуемые законодательными нормами, административными границами и транзитным статусом торгового центра,

каким обладал портовый Ростов-на-Дону. Тем уникальнее ситуация, при которой крупный город в центре Донского края, был слабо представлен казачьим населением в учебных заведениях по отношению к иным социальным группам. Общий процент учеников из казачьего сословия в Ростове был не более 7% от общей численности обучающихся. Объяснение этой ситуации можно найти в описаниях самих казачьих семей города, которые занимались торговлей и относились к категории торговых казаков, никогда не составлявших многочисленной социальной группы.

Транзитность региона проявляется в большом количестве учеников, записи социального происхождения которых были указаны с привязкой к региону их первоначального пребывания, то есть фактически имевших статус временно проживающих, но имеющих право на обучение. Так, в журналах встречаются жители Эриванской губернии, Арцаха, Дербента, некоторых городов с территории Греции, Османской империи, Италии, Персии. Это регионы, откуда на Дон приезжало много беженцев греческого, армянского и славянского происхождения. В ряде случаев в записи они указывались как подданные другого государства, что говорит о растущей социальной мобильности в условиях войны и отсутствии возможности точно провести идентификацию приезжего. Стоит отметить, что записи в журнале делались на основе заявлений переселенцев и не всегда подтверждались должными документами, поэтому встречаются записи именно отдельных городов, как их назвали родители ребенка, а не принятых в делопроизводстве данных по российским регионам или другим странам.

В документах нет отсылок к национальному происхождению учеников, и в ряде случаев по имени нельзя понять, армянское, греческое или славянское происхождении того или иного ученика. В статистике учебных заведений видна миграция смешанных групп населения: греков католиков, перекрестившихся евреев, казаков старообрядцев и других групп населения в новых условиях, которые открывала им война.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что Ростов-на-Дону как один из крупных центров на юге страны испытал на себе в начале XX в. целую серию социальных трансформаций, которые отразились в деятельности учебных заведений города. В это время начинает меняться конфессиональный и социальный состав обу-

чающихся, динамика его развития. Многие тенденции в обществе, связанные с началом масштабного кризиса в период войны, начали сказываться и на образовании, которое, как определенный зеркальный образ, впитывало в себя многие происходившие в обществе тенденции. В условиях войны видны нарушения законодательных норм империи, рост социальной мобильности, этноконфессиональные подвижки, которые стали следствием развития военных действий на Балканах, в Греции, на Кавказе и в России.

Литература

Воскобойников, Кочетова 2018 – *Воскобойников С.Г., Кочетова А.С.* Учреждения начального и среднего образования в Ростове-на-Дону в XIX в. // Теория и практика коммуникации в профессиональной деятельности. Ростов н/Д., 2018. С. 67–70.

Любжин 2018 – *Любжин А.И.* История русской школы: В 3 т. М.: Никея, 2018. Т. 2. 960 с.

Смирнов 2007 – *Смирнов А.Н.* Образовательные предпочтения мещан Донской области в начале XX в. // Вестник Таганрогской государственного педагогического института. 2007. № 2. С. 264–270.

Стрельцов 2004 – *Стрельцов А.А.* Гимназии и гимназическое образование на Дону // Образование в современной школе. 2004. № 2. С. 51–56.

References

Lyubzhin, A.I. (2018), *Istoriya russkoi shkoly* [History of the Russian school], vol. 2, Nikeya, Moscow, Russia.

Smirnov, A.N. (2007), “Educational preferences of the burghers of the Don region at the beginning of the twentieth century”, *Vestnik Taganrogskoi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, no. 2, pp. 264–270.

Streltsov, A.A. (2004), “Gymnasiums and gymnasium education on the Don”, *Obrazovanie v sovremennoi shkole*, no. 2, pp. 51–56.

Voskoboinikov, S.G. and Kochetova, A.S. (2018), “Institutions of primary and secondary education in Rostov-on-Don in the 19th century”, in *Teoriya i praktika kommunikatsii v professional’noi deyatel’nosti* [Theory and practice of communication in professional activity], Rostov-on-Don, Russia, pp. 67–70.

Информация об авторе

Евгений В. Шандулин, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинкая, д. 140; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092

Information about the author

Evgenii V. Shandulin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 140, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don Russia, 344006; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092